

23.03.1936 г.

17 ПЕРВАЯ ПРОГРАММА

И ТАК, новый театр родился, он дал уже первое представление, артисты его пережили первые овации. Все это случилось удивительно быстро. В ночь накануне спектакли на сцене, в зрительном зале и в фойе театра хозяйничали не режиссеры и не хормейстеры, а маляры, плотники, слесари и обойщики. Швейцары в гардеробных осторожно дули на свежую краску, пробовали ее пальцем и качали головами. К директору театра В. М. Филиппову звонили из типографии, спрашивали, когда же наконец будет установлена программа спектакля, чтобы можно было приступить к печатанию программ.

Ровно за 24 часа до открытия занавеса программа еще не была окончательно установлена.

Да и как можно было установить ее в окончательном виде, если в период первых же репетиций перед режиссерами развернулся гигантский kaleidoscope талантов, способностей, умений, — богатство, которым можно было заполнить десятки программ для увлекательных спектаклей.

Зарождающийся театр народа, театр масс. Для первого спектакля не нужно было писать пьес, готовить режиссерские планы. Нужно было только выбрать лучшее из того, что существует уже не первый год, что рождается ежедневно, ежеминутно, чему нет границ, нет предела...

Все входы, ведущие в зал, распахнулись. Беззвучными ракетами вспыхнули во всех концах громады серпантин. Разноцветная карнавальная выюга бушевала и в партере, и в амфитеатре, и на хорах. Весь зал, вплоть до люстры и потолка, был заплетен в голубые, розовые, синие ленты. Дирижер на просцениуме дал знак. Из всех дверей хлынули в зал оркестры и хоры, началось шествие первых артистов нового театра.

Театр народного творчества. Ансамбль русской пляски Центрального дома художественной самодеятельности

Вступая в зал, они расходились по лестницам, устремлявшимся к сцене и служившим для нее вышестоящей рамой. Сцена была похожа на поляну, окруженную высокими холмами.

А вскоре воцарилась тишина. Вертящаяся сцена плавно вынесла к зрительному залу симфонический оркестр. Если в зале находились студенты московских институтов, они могли увидеть в этом оркестре много знакомых лиц. Профессор Ключников, хирург Розен, люди, известные до сих пор только своими научными работами, выступали на этот раз в качестве исполнителей ботховского «Эгмонта». А музыканты-профессионалы, композиторы, дирижеры, Сергей Прокофьев, Лев Штейнберг, в нарушение старых традиций, сидели в зале и слушали.

Когда же замолкли последние звуки увертюры и на сцене разместилась громада обедненного хора, композиторы вышли на сцену, чтобы аккомпанировать исполнителям своих песен — железнодорожникам, шоферам, служащим, металлистам. Сергей Прокофьев участвовал в исполнении своей песни «Партизан Железняк», Зиновий Комиссарев аккомпанировал «Песне бывлых походов», а В. Белый — песню о двадцати шести Баккинских комиссарах.

Следующее выступление принадлежало уже детям. Это было одно из самых пленительных выступлений на этом спектакле. Друзья народного театра увидели в детской пантомиме черты, наиболее характерные для самодеятельного искусства и потому особенно привлекательные: свежесть

и непосредственность исполнения. Это была пантомима «Рыбная ловля».

Из остальных выступлений на первом спектакле самого высокого одобрения заслуживает речевой хор Н-ской части НКВД, исполнивший литературно-музыкальный монтаж «Бойцы Октября». Монотонное и слитное звучание этого хора, высокая одухотворенность исполнения, чувство ритма — все это трудно переоценить.

Вообще больше других удалась на первом спектакле массовые выступления — в них не было того «концертного» холода и некоторой манерности, которые заметны были, например, в исполнении бригады солистов Центрального дома художественной самодеятельности, хотя соло на пиле, исполненное студентом МГУ Кречмером, и соло на жураве, исполненное

студентом Мухабасовым, были очень хороши. Дружба Кречмера с пилею началась еще в северных лесах, куда он отправился в 1929 году вместе с двумя тысячами других комсомольцев. Пилея звенела на лесозаготовках, Кречмер использовал ее на импровизированных лесных концертах.

Живая связь с природой, любовь к природе, умение наблюдать ее отличают также и другого исполнителя, монтажера аншла «Электреликты», Т. Г. Сидорова, подражавшего лениноидею, пловца, синицы, голубя, стрижа, канарейки, малиновки, дрозда и соловья. Пожалуй, иные «беллетристы», любящие живописать природу, но не бывавшие дальше ближайшего буявьяца в кольце «В», могут поучиться наблюдательности у этого монтажера, умеющего вести разговор чуть ли не со всеми птицами своей страны.

Превосходно танцевали русскую пляску танцоры из Центрального дома художественной самодеятельности. Заразительно весело пели работницы тульского патронного завода. Оvation заступила семья Казибековых — ударников Метростроя, танцевавших цыганские пляски.

Не во всем, однако, первая программа театра была удачной. Несколько выступлений выделялись своим мюзик-холльным пошибом, например, выступление двух танцовщиц-акробатов, пользовавшихся такими «эффектами», как полет в воздухе при помощи проволоки и т. д. Меньше всего участникам нового театра нужно подражать! В их выступлениях привлекают больше всего свежесть и искренность, радость творчества, самобытность.

Театр народного творчества существует. Среди всех людей, любящих искусство, он порождает много надежд и ожиданий.

Г. ДОРЕР